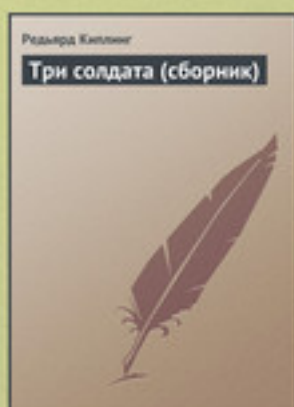

Редьярд Киплинг

Припадок рядового Орзириса

*Часть сборника
Три солдата (сборник)*

Три солдата

Редьярд Киплинг

Припадок рядового Орзириса

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Припадок рядового Орзириса / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888 — (Три солдата)

«Мои друзья Мельваней и Орзирис отправились однажды на охоту. Леройд был еще в госпитале, где он поправлялся после лихорадки, которую подхватил в Бирме. Они прислали мне приглашение присоединиться к ним и непритворно огорчились, что я привез с собой пива – почти в достаточном количестве, чтобы удовлетворить двух рядовых линейного полка... и меня...»

Редьярд Киплинг Припадок рядового Орзириса

* * *

Мои друзья Мельваней и Орзирис отправились однажды на охоту. Леройд был еще в госпитале, где он поправлялся после лихорадки, которую подхватил в Бирме. Они прислали мне приглашение присоединиться к ним и неприятно огорчились, что я привез с собой пива – почти в достаточном количестве, чтобы удовлетворить двух рядовых линейного полка... и меня.

– Мы не для этого приглашали вас, сэр, – хмуро проговорил Мельваней. – Мы хотели только воспользоваться удовольствием побыть в вашем обществе.

Орзирис подоспел на выручку. Он сказал:

– Ну что же. Ведь и пиво будет не лишним. Мы не утки. Мы brave солдаты, брюзга-ирландец. Ваше здоровье!

Мы охотились все утро, убили двух диких собак, четырех зеленых попугаев, одного коршуна около места, где сжигают трупы, одну удиравшую от нас змею, одну болотную черепаху и восемь ворон. Дичи было много. Потом мы сели позавтракать «мясом и черным хлебом», как выразился Мельваней, на берегу реки. Мы обходились единственным складным ножом и в промежутках стреляли, не целясь, в крокодилов. После этого мы выпили все пиво, побросали бутылки в воду и стреляли также по ним. Наконец, распустив пояса, мы разлеглись на теплом песке и стали курить. Нам было лень стрелять. Орзирис глубоко вздохнул, лежа на животе и подперев голову руками. Потом преспокойно выругался в голубое небо.

– Чего ты, – спросил Мельваней, – или мало выпил?

– Мне пригрезилась Тотнимская дорога, а на ней девчонка. Что хорошего – тянуть ляжку солдата?

– Орзирис, дитя мое, – поспешно сказал Мельваней, – должно быть, ты расстроил себе желудок пивом. Я чувствую то же, когда печенка начинает бунтовать.

Орзирис продолжал медленно, не обращая внимания на то, что его прервали:

– Я – Томми здоровенный, стоящий восемь анна, воруящий собак, Томми с номером вместо приличного имени. А какой во мне толк? Остаюсь я дома, я бы мог жениться на той девушке и держать лавочку на Химмерсмитской улице: «Орзирис, препарат чучел», с лисицами на окнах, как зимой в Хайльсберийской молочной, и маленьким ящичком желтых и голубых стеклянных глаз, и с маленькой женой, которая звала бы в лавку, когда зазвонит колокольчик у двери. А теперь я только Томми, проклятый, забытый Богом, тянущий пиво Томми. «Смирно! Вольно! Тихо – марш! Стой! Холостым зарядом пли!» И все кончено.

Он выкрикивал отрывки команды при погребении.

– Стой! – крикнул Мельваней. – Если бы ты стрелял в воздух так же часто, как я, над могилой людей получше тебя самого, так не стал бы смеяться над такой командой. Это хуже, чем насвистывать похоронный марш в казармах. Налился, как мех, и солнце не дает прохлады, и все одно к одному. Стыдно за тебя. Ты не лучше язычника со всеми своими охотами и стеклянными глазами. Да уймите его, сэр!

Что я мог сделать? Разве я мог указать Орзирису на какие-либо радости его жизни, которых он не знал? Я не капеллан и не субалтерн, а Орзирис имел полное право говорить, что ему вздумается.

– Оставьте его в покое, Мельваней, – сказал я. – Это пиво.

– Нет, не пиво, – отвечал Мельваней. – Я знаю, что начинается. На него это находит временами; плохо это, очень плохо, потому что я люблю малого.

На самом деле, казалось, что Мельваней напрасно опасался, но я знал, что он по-отечески относился к Орзирису.

– Не мешайте мне, – в полузабытьи говорил Орзирис. – Разве ты остановишь своего попугая, когда он кричит в жаркий день от того, что клетка жжет его маленькие розовые пальчики, Мельваней?

– Розовые пальчики! У тебя, что ли, розовые пальчики под буйволово́й шерстью, неженка? – Мельваней собрался с духом, чтобы обрушиться на него. – Школьная учительница. Розовые пальчики. Сколько бутылок с ярлыком Баса выдуло это бредящее дитяtko?

– Это – не Бас, – сказал Орзирис. – Это – пиво покрепче. Это тоска по родине.

– Послушай его! Разве он не отправится через четыре месяца домой в шераписе?

– Мне все равно. Все одно. Откуда ты знаешь, что я не боюсь умереть прежде, чем получу отпускной билет? – И он снова, нараспев, начал выкрикивать команду.

Мне никогда не приходилось наблюдать Орзириса в таком состоянии, но для Мельваней это, очевидно, не было новостью, и он придавал происходившему серьезное значение. Пока Орзирис бормотал, схватившись за голову, Мельваней шепнул мне:

– С ним это всегда бывает, когда уж слишком его муштруют эти младенцы, которых теперь делают сержантами. Нечего им делать. Иначе не могу объяснить.

– Ну что же. Ничего страшного. Пусть выскажется.

Орзирис начал петь пародию на песню «Рамдорский корпус», полную намеков на битвы, убийства и внезапную смерть. Мельваней схватил меня за локоть, чтобы обратить мое внимание.

– Ничего страшного. Очень страшно. С ним, так сказать, припадок. Уж я заранее знал. Всю ночь промучит его, а посреди ночи он вскочит с койки и пойдет искать свою одежду. Потом придет ко мне и скажет: «Еду в Бомбей. Ответь за меня на утренней переключке». Тогда я начну бороться с ним, как и прежде, он будет стараться убежать, а я стану его удерживать, и оба, таким образом, попадем в штрафную книгу за нарушение тишины в казармах. Я уже и хлестал его, и голову ему разбивал, и уговаривал его, но, когда на него находит припадок, все бесполезно. Он славный парень, когда в своем уме. Но я знаю уже, что будет сегодня ночью в казармах. Дай только Бог, чтобы он не набросился на меня, когда я встану, чтобы сбить его с ног. Вот чего я боюсь и денно и ночью.

Это придавало делу значительно менее приятный оттенок и вполне объясняло тревогу Мельваней. Он, казалось, хотел успокоить припадок Орзириса, задобрив его, и крикнул ему на берег, где тот лежал:

– Эй ты, с розовыми пальчиками и стеклянными глазами, послушай! Переплывал ты Ирравади позади меня, как подобает молодцу, или прятался под постель, когда был под Ахмед-Кхейлем?

Это было в одно и то же время и большим оскорблением, и ложью, и Мельваней хотел, по-видимому, вызвать спор. Но на Орзириса как бы нашло что-то вроде столбняка. Он отвечал медленно, без признака раздражения, тем же размеренным тоном, каким выкрикивал команду:

– Он переплыл, как вам известно, Ирравади нагишом, чтобы взять город Ленгтенгпен, и не боялся. Где я был под Ахмед-Кхейлем, ты знаешь, и четыре проклятых патана тоже знают. Но надо было показать пример, и я не думал о смерти. Теперь же я рвусь домой, домой. Я тоскую не по матери, потому что меня воспитал дядя, но хочется опять увидеть Лондон; тоскую по его звукам, по его улицам, по его вони, по запаху апельсиновых корок, асфальта и газа, тоскую по железной дороге в Боксхилл – проехать бы по ней с новой глиняной трубкой в зубах. Тоскую о фонарях на Стренде, где каждого человека знаешь, и о старом друге Коппере, который принимает тебя, как принимал прежде, когда ты мальчишкой терялся между собором и тем-

ными арками. Нет ни проклятого стояния на часах, ни проклятых изъеденных камней, ни хаки; там ты сам себе хозяин и можешь по воскресеньям ходить и в балаган и в театры. И все это я оставил, чтобы служить «Вдове» за морем, где даже нет ничего порядочного, чтобы выпить, не на что посмотреть, нечего делать, нечего чувствовать, нечего думать. Господь с тобой, Стенли Орзирис, но только ты еще глупее всех прочих в полку, в том числе и Мельваней. Вот там, на родине, сидит «Вдова» в золотой короне на голове, а здесь он, рядовой Орзирис, собственность «Вдовы», дурак и тряпка.

В конце монолога голос его зазвучал громче, и он закончил шестиэтажной англо-туземной бранью. Мельваней не сказал ничего, но посмотрел на меня, как будто ожидая, что я принесу успокоение возбужденному мозгу бедного Орзириса.

Я вспомнил, что однажды видел в Раваль-Пинди человека, допившегося до белой горячки, которого отрезвили тем, что подняли на смех. Я подумал, что, может быть, нам удастся таким образом успокоить и Орзириса, хотя он был совершенно трезв. Поэтому я сказал:

– Какая польза лежать здесь и болтать глупости о королеве?

– Упаси Бог, чтобы я говорил что-нибудь против нее, – заявил Орзирис, – да и не стал бы, если бы мог дезертировать сию минуту.

Тут я выступил решительно:

– Да, но вы все же кое-что бормотали про нее. Какая же польза ворчать по пустякам? Убежали бы вы теперь, если бы представился случай?

– Вот посмотрите, – сказал Орзирис, вскакивая, будто ужаленный.

Мельваней тоже вскочил.

– Что вы хотите сделать? – спросил он.

– Помочь Орзирису добраться до Бомбея или Карачи – куда ему угодно. Вы можете сказать, что расстались с ним до завтрака, и он оставил свое ружье здесь, на берегу.

– Это я должен сказать? – медленно спросил Мельваней. – Хорошо. Если Орзирис намеревается бежать, и хочет бежать теперь, а вы, сэр, бывший его и моим другом, хотите помочь ему, то я, Теренс Мельваней, клянусь, что отрапортую так. Только, – тут он подошел к Орзирису и потряс своей винтовкой перед его лицом, – смотри, Стенли Орзирис, если попадешься мне когда на дороге, выручат ли тебя твои кулаки.

– Мне все равно. Поменяемся платьем, а потом я вам скажу, что делать.

Я надеялся, что нелепость такого предложения озадачит Орзириса, но он сбросил свои форменные сапоги и китель, прежде чем я успел расстегнуть ворот рубашки. Мельваней схватил меня за руку.

– Он в припадке, припадок еще не прошел. Клянусь честью и душой, ведь мы будем считаться потакателями дезертирству. Подумайте о позоре, о черном позоре для меня и него!

Никогда я не видел Мельваней таким взволнованным.

Но Орзирис был совершенно спокоен, когда он поменялся платьем со мной, и, когда я преобразился в рядового линейного полка, он сказал отрывисто:

– Ну что же дальше? Вы хотите помочь мне? Что мне делать, чтобы выбраться из этого ада?

Я сказал ему, что, если он подождет часа два-три у реки, я съезжу на станцию и вернусь с сотней рупий. Он с деньгами в кармане может отправиться на железнодорожную станцию, милях в пяти отсюда, и взять билет первого класса до Карачи. Зная, что у него не было денег с собой, когда он отправлялся на охоту, из полка не станут немедленно телеграфировать в приморские порты, а будут гоняться за ним по селам на реке. Во-вторых, никому и в голову не придет искать дезертира в вагоне первого класса. В Карачи я посоветовал ему купить белый костюм и, если окажется возможным, сесть на грузовой пароход.

Здесь он прервал меня и заявил, что, если я только помогу добраться ему до Карачи, все остальное он устроит уже сам. Я посоветовал ему подождать на месте, пока стемнеет настолько,

чтобы я мог проехать на станцию, не обратив на себя внимания своим костюмом. Господь в Своей премудрости вложил в грудь британского солдата, часто неотесанного негодяя, сердце мягкое, как сердце ребенка, благодаря чему он верит своему офицеру и идет за ним в огонь и в воду. Не так легко ему довериться «штатскому», но раз поверив ему, он верит беспрекословно, как собака. Моя дружба с рядовым Орзирисом продолжалась с перерывами уже три года, и мы были с ним на равной ноге. Поэтому он принимал все мои слова за чистую монету и не считал их брошенными на ветер.

Мы с Мельванеем оставили его в высокой траве, на берегу, и, все придерживаясь зарослей, направились к моей лошади. Рубашка страшно царапала меня.

Пришлось ждать около двух часов, пока начали спускаться сумерки и я смог уехать. Мы говорили об Орзирисе шепотом и напрягали слух, чтобы уловить какой-нибудь звук с того места, где оставили его. Но не было слышно ничего, кроме шелеста ветра в тростнике.

– Я разбивал ему не раз голову, до полусмерти хлестал его ремнем и все никак не мог выбить этих приступов из его глупой башки, – сказал Мельваней. – Да он ведь, в сущности, не глуп и от природы благоразумный и любящий человек. Кто виноват? Происхождение ли – Бог весть, кто он. Или воспитание, которого он не получил. Вы считаете себя ученым; ответьте мне на этот вопрос.

Но я не находил ответа. Я только спрашивал себя, сколько времени Орзирис выдержит на берегу реки, и следует ли мне, в самом деле, способствовать его побегу, как я обещал.

Когда стемнело и я с тяжелым сердцем принялся седлать коня, мы услышали, что он зовет нас с реки.

Бес вышел из рядового Стенли Орзириса, N 22639, роты В; вероятно, его выгнали одиночество, сумерки и ожидание. Мы поспешно направились к нему и застали его шагающим по траве, без сюртука – моего сюртука, разумеется. Он звал нас, как сумасшедший.

Когда мы подошли к нему, поткатился с него градом, и он дрожал, как испуганная лошадь. Нам с трудом удалось успокоить его. Он жаловался на то, что на нем штатское платье, и пытался сорвать его с себя. Я приказал ему раздеться, и мы в одну секунду совершили второй обмен.

Шорох его собственной рубашки и скрип его сапог, по-видимому, привели его в себя. Он закрыл лицо руками и спросил:

– Что это было? Я не сошел с ума, у меня не было солнечного удара, а только я был не в себе; не помню, что делал и говорил... Что я такое делал и говорил?

– Что ты делал? – сказал Мельваней. – Ты опозорил себя; впрочем, это неважно. Ты опозорил роту В, а хуже всего, опозорил меня. Меня, который научил тебя, как здесь ходить по-человечески, когда ты был грязным, неуклюжим, плаксивым новобранцем. А теперь ты – Стенли Орзирис.

Орзирис молчал с минуту. Потом он расстегнул пояс, тяжелый от значков полдюжины полков, с которыми приходилось сражаться его полку, и подал его Мельванею.

– Ты не раз стегал меня, Мельваней, – сказал он. – Теперь можешь, если хочешь, хоть надвое разрубить меня вот этим.

Мельваней обратился ко мне:

– Позвольте мне переговорить с ним, сэр.

Я ушел и дорогой много думал об Орзирисе, и в частности о моем друге Томми Аткинсе, которого я очень люблю.

Но прийти к какому-либо выводу мне не удалось.